

Ольга ПИЛИПКОВА

ст. преподаватель кафедры Лингвистики и Межкультурных коммуникаций
университета Высшая Антропологическая Школа;

Алексей РОМАНЧУК

преподаватель кафедры Антропологии и Социальных технологий
университета Высшая Антропологическая Школа

ПАРАДОКСЫ РОДИТЕЛЬНОГО АТРИБУТИВНОГО, ИЛИ ВЕРБАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ РАППОРТА

Pilipcova O., Romanchuk A. Paradoxes of the Possesive Attributive Case or Verbal Conditions of Rapport.

The first part of the article tells about verbal aspects of human communication and the importance of NLP-concepts of representative systems. It states that sharing the same representative system is not sufficient for mutual understanding and refers to one more important factor as cultural fund with its cultural literacy and background knowledge. Further the article focuses on the role of grammar categories in establishing understanding. The Category of Case with its Attributive Possesive Case in particular is in the center of attention. The original poem of L. Mueller «The Possesive Case» furnishes an excellent example of symbioses of «pseudo-inversive» constructions and background knowledge. The poem is planned to be used in a linguistic experiment that will lead to some more conclusions.

Что такое раппорт? Это понятие в психологии имеет спектр значений. Наиболее часто используемое – атмосфера теплой доброжелательности и доверия, которая возникает при очень тесном и доверительном общении людей. То, что называется «встреча родственных душ».

Достичь раппорта – очень и очень непросто. Особенно большое внимание вопросу об условиях достижения раппорта уделяет сегодня такое направление прикладной психологии, психотерапии и психологии общения, как нейролингвистическое программирование (НЛП). При этом основной вывод НЛП сводится к следующему – основную роль в достижении раппорта играют средства невербальной коммуникации. Вербальным же в НЛП нередко отводится даже точная, но мизерная цифра – 7% (как, например, Дж. О’Коннор и Дж. Сеймор в известной работе: «Введение в НЛП» (<http://pda.aboutnlp.spb.ru/tech/raport.php>)).

Насколько это так? Не оспаривая этого вывода, напомним, что НЛП изначально возникло, и по сей день уделяет большое внимание все же именно вербальным условиям коммуникации. Ярче всего это следует из НЛП-концепции репрезентативных систем – одного из «краеугольных камней фундамента строино-

го знания нейролингвистического программирования» (Ковалев 1999: 64). Согласно этой концепции, «каждая репрезентативная система имеет как бы свой язык. И человек, у которого эта система предпочитается, предпочитает же говорить и слушать именно на этом языке» (Ковалев 1999: 71).

При этом если собеседник использует язык не той репрезентативной системы, это может стать первым шагом к прекращению диалога. «Ибо люди любят говорить на своем языке. Понимают людей, говорящих на нем. И им попросту нравятся люди, говорящие так же, как они» (Ковалев 1999: 72).

Вместе с тем, из поля зрения НЛП практически выпадает очень важный, и именно вербальный элемент коммуникации. Успешной коммуникации.

Для начала вспомним историю, рассказанную самим Р. Бэндлером – основателем НЛП.

Встретившись со своим старым приятелем, на его вопрос, чем он сейчас занимается, Р. Бэндлер ответил: «пишу книгу». «О чем?», – полюбопытствовал приятель. Р. Бэндлер объяснил: «о нейролингвистическом программировании». После секундной паузы приятель отреагировал: «ну, это на тебя похоже. А как семья?».

Р. Бэндлер пишет по этому поводу, что он не мог бы придумать лучшего способа, если бы хотел прервать разговор. Сказав то, что было заведомо непонятно его приятелю, он нарушил как раз ту самую атмосферу дружественного согласия, к достижению которой стремится НЛП.

Этот случай еще раз показывает, что существует важнейшее условие раппорта – взаимопонимание. Как бы ни симпатизировали люди друг другу, какие бы теплые чувства не испытывали, без взаимопонимания рано или поздно наступает момент, когда неуверенность в том, понимаешь ли ты, и правильно ли поняли тебя, заставляет стремиться свернуть беседу.

Однако эта история несет еще одну мораль. Для взаимопонимания, как видим, важно не только использование при коммуникации языка соответствующей репрезентативной системы. Но в том числе – и наличие у обоих собеседников общих знаний о предмете обсуждения.

Последнее условие имеет особенное значение при межкультурных контактах. В каждой культуре есть пласты знаний, известные в основном только носителям этой культуры. Эти пласты знаний получили название «культурного фонда». Он включает в себя, в частности, так называемые «прецедентные имена» – имена, известные почти каждому носителю данной культуры. При этом каждое имя представляет собой своего рода свернутый текст, содержащий огромное количество информации. Например, если представитель русской культуры скажет нам: «слушай, Вицин», это вполне заменит ему объемную тираду по поводу того, что он думает о целесообразности нашего поведения вообще или в данной ситуации, умственных способностях и моральном облике. И если мы не владем данным элементом советского культурного фонда, вся эта речь, «произнесенная» нашим собеседником, пропадет зря. Мы его не поймем.

Значимость «культурного фонда» для успешной коммуникации еще очевиднее, если учесть некоторые наблюдения лингвокультурологии (Маслова 2001). Суть их можно свести к следующему – чем древнее язык, тем больше в нем так называемых «стереотипов» (термин Масловой) – сформированных в данной культуре языковых штампов для выражения своей мысли. Так, в русском языке их больше, чем в белорусском, но меньше, чем во французском.

Насколько это важно, хорошо демонстрирует известная шутка Пушкина. Когда его спросили, умна ли дама, с которой он перед

тем беседовал, Пушкин ответил: «не знаю. Она говорила по-французски».

То есть, процесс коммуникации в определенной степени автоматизируется и алгоритмируется за счет использования «стереотипов» так, что иногда уже трудно распознать личность собеседника. Но даже и в более мягких формах значение «стереотипов» в коммуникации трудно переоценить. Резюмируя, В.А. Маслова пишет: «стереотипы облегчают социальное общение» (Маслова 2001: 112).

В нашу постмодернистскую эпоху, с ее склонностью к цитированию культурно значимых текстов, «стереотипизация» языков, очевидно, растет быстрее. И, наверное, многие из числа русскоязычных читателей вспомнят Валю Глена – колоритнейшего персонажа «Внеклассного чтения» Б. Акунина. И, опять-таки, наверное, те, кто говорят на «постмодернистском языке», будут предпочитать собеседников, говорящих на таком же языке. И «культурная грамотность» (как назвал это Хирш), может, как импонировать собеседнику, так порой и несказанно раздражать, – как раздражает люмпена золотая цепь на шее «нового русского». Особенно, если иметь в виду ту часть «культурной грамотности», которую можно отнести к элитарному «фоновому знанию».

Таким образом, «культурный фонд» и успешная коммуникация (с ее сияющим и трудно достижимым идеалом – раппортом) – вещи весьма связанные.

И, если НЛП игнорирует эту связь, существуют подходы к проблемам коммуникации, придающие ей весьма большое значение. Так, именно в связи с коммуникацией, «культурный фонд» привлекал внимание психолингвистики, особенно – советской школы психолингвистики (Леонтьев 1999) и лингво-культурологии (Маслова 2001). На Западе огромный вклад в разработку проблематики «культурного фонда» внес Хирш (www.bartleby.com/59).

Помимо «культурного фонда», однако, существуют и другие вербальные условия улучшения коммуникации. Условия, недостаточно, на мой взгляд, учитываемые НЛП. В первую очередь следует отметить в данном случае грамматику.

А именно НЛП не ставит вопрос – использование каких грамматических средств, и каким образом, улучшает коммуникацию?

НЛП здесь ограничивается лишь констатацией корреляции предикатов и предпочитаемой репрезентативной системы. Но исчерпывает ли это все возможные

факторы влияния грамматики на коммуникацию?

Если обратиться к психолингвистике, то исследования по восприятию речи также занимают заметное место среди ее интересов. Однако и среди представителей психолингвистики достаточно немногие ставили вопрос именно таким образом (Леонтьев 1974: 173). И здесь следует, конечно, назвать в первую очередь Виктора Ингве, с его «гипотезой глубины» (1965), Ч. Хокетта с его «грамматикой для слушающего» (1965) и Дж. Миллера (Миллер 1964; Леонтьев 1968; 1974).

Несмотря на критику в адрес и В. Ингве, и Ч. Хокетта, как со стороны западных ученых (в первую очередь – последователей Н. Хомского), так и советской школы психолингвистики, тот же А. А. Леонтьев отмечает в их исследованиях целый ряд очень интересных и продуктивных выводов (1968; 1974). И, в частности, пишет по поводу идей Ч. Хокетта, что «... едва ли можно отметить грамматику с конечным числом состояний, как психолингвистическую модель» (1974: 172).

Не останавливаясь подробнее на идеях упомянутых выше исследователей, можно резюмировать – они продемонстрировали целый ряд грамматических моментов, облегчающих или затрудняющих восприятие речи.

В этой же связи стоит отметить работы советских исследователей, работавших в сходном направлении. В частности, исследования Н.В. Уфимцевой вопроса о восприятии слушающим такой грамматической категории, как падеж (Уфимцева 1979).

На работе Н.В. Уфимцевой стоит остановиться подробнее. Она показала, что в русском языке различные падежи имеют различный статус по степени распознаваемости в трудных для восприятия ситуациях. Если у человека возникает сомнение, он, скорее всего, интерпретирует услышанное в именительном падеже. И наименее вероятно – в творительном и предложном.

И у детей два последних падежа формируются в последнюю очередь, к 2,5 годам. С именительного падежа начинается усвоение падежной системы, он же шире всех остальных выступает заменой любого другого косвенного падежа (Уфимцева 1979: 26).

В своей работе мы хотели бы подробнее затронуть тему, связанную со значением в процессе коммуникации такого грамматического средства, как падежи. Точнее – один падеж.

А именно, хотелось бы обратить внимание на такое, весьма интересное явление, как родительный атрибутивный. Это падеж, который в русском языке определяет отношение одного предмета к другому. И вот он-то – еще выразительнее показывает нам значимость грамматики в восприятии речи.

Впервые ряд проблем, связанных с функционированием родительного атрибутивного, поставил А. Р. Лурия (1975; 1979). При изучении такого нарушения речи, возникающего при травме определенных частей мозга (теменной области), как семантическая афазия (забывание слов, когда больной постоянно говорит: «ну это..., ну, как его... - забыл»), он обратил внимание на существование двух типов реакции больных – в зависимости от грамматической конструкции, с которой им надо было работать.¹

Первый тип он определил как реакцию на «коммуникацию событий» (типа «собака лает»). «Коммуникация событий» не вызвала у афатиков никаких затруднений.

Сложности у них вызывал второй тип, который А.Р. Лурия назвал «коммуникация отношений» (типа «Сократ – человек»). Здесь им было трудно, как понять это, так и тем более самим использовать такую конструкцию.

В рамках же второго типа еще большие сложности вызывал как раз родительный атрибутивный и, особенно в такой своей части, как «обратимые конструкции».

Что такое «обратимые конструкции»? Хороший пример их дает выражение «брат отца».

То есть, здесь возможна инверсия – «отец брата». Это грамматически тождественно, а семантически – нет. Именно это и создает афатикам дополнительные затруднения.

Что интересно, в русском языке возникновение «обратимых конструкций» – достаточно позднее явление. Древнерусский язык, например, знал только формулу «бояре дети». А не дети бояр, как сказали бы мы.

Не менее интересно, что в разговорной речи и сегодня русский язык предпочитает избегать «обратимых конструкций». Вместо выражения «брат отца» предпочитают использовать формулу «брат твоего (его, моего) отца».

Эти наблюдения очень важны. В одной из своих работ (1974: 171) А.А. Леонтьев писал, что «есть основания допустить, что у разных говорящих цепь предложений организуется по-разному, в зависимости от уровня разви-

¹ Следует заметить, что о необходимости использования данных афазиологии писал еще Ф. де Соссюр, А.И. Бодуэн де Куртене и Л.В. Щерба, который прямо указывал на необходимость для лингвиста изучать язык афатика.

тия речевых способностей говорящего». Это замечание вполне применимо и к использованию «обратимых конструкций» (и, шире – «коммуникации отношений»). Достаточно логично предположить, что любовь\не-любовь к использованию (и восприятию – вспомним НЛП: «им (людям – О.П.) попросту нравятся люди, говорящие так же, как они» (Ковалев 1999: 72)) «обратимых конструкций» находится в зависимости от уровня развития речевых способностей. И, соответственно, степени развития абстрактного мышления.

Интересно, что тот же А. Р. Лурия, в чрезвычайно важной работе «Об историческом развитии познавательных процессов» (1974), показал, что степень абстрактности и теоретичности мышления нарастала в ходе истории. Так, дехкане из глухих кишлаков Средней Азии очень неохотно формулировали обобщения, не воспринимали силлогизмы, которые ставили их в тупик (Лурия 1974: 106).

Сегодня, очевидно, наше образование и обучение существенно предрасполагает часть общества к более абстрактному мышлению. Любопытно в этой связи, что современные представители НЛП к трем классическим репрезентативным системам (Бэндлер, Гриндер 1996) добавляют четвертую. Это так называемая «дискретная» – те, кто ею пользуется, склонны воспринимать мир в виде схем, формул и логических конструкций (Ковалев 1999: 64).

Можно предположить, таким образом, что наше общество сегодня во все большей мере любит тех, кто склонен говорить на языке формул. И, в том числе – языковых формул.

Здесь мы возвращаемся к проблемам «культурного фонда» и нарастания «стереотипизации» языка. Постмодернистская тенденция «цитат» и «гипертекстов» – тоже проявление «дискретной репрезентативной системы» нашего общества.

В этой связи мы бы хотели обратить внимание на один весьма любопытный постмодернистский текст. Парадоксальным образом он соединил в себе и проблемы грамматики, и проблемы «культурного фонда».

Это стихотворение американской поэтессы Л. Мюллер «The Possessive Case» (Michaels L., Rick C.):

The Possessive Case
Lisel Mueller
Your father's mustache
My brother's keeper
La plume de ma tante

Le monocle de mon oncle
His Master's Voice
Son of a bitch
Charley's Aunt
Lady Chatterley's Lover

The Prince of Wales
The Duchess of Windsor
The Count of Monte Cristo
The Emperor of Ice Cream
The Marquis de Sade
The Queen of the Night

Mozart's requiem
Beethoven's Ninth
Bach's B-Minor Mass
Schubert's Unfinished
Krapp's Last Tape
Custer's Last Stand
Howards End
Finnegan's Wake

The March of Time
The Ides of March
The Auroras of Autumn
The Winter of our discontent
The hounds of spring
The Mound of Heaven

Dante's Inferno
Vergil's Aeneid
Homer's Iliad

The fall of the City
The Decline of the West
The Birth of a Nation

The Declaration of Independence
The ride of Paul Revere
The Pledge of Allegiance
The spirit of '76

The Age of Reason
The Century of a Common Man
The Psychopathology of Everyday Life

Portnoy's complaint
Whistler's Mother
The Sweetheart of Sigma Chi
The whore of Babylon
The Bride of Frankenstein
The French Lieutenant's Woman

A Room of One's Own
Bluebeard's Castle
Plato's Cave
Sants's Workshop
Noah's ark

The House of the Seven Gables

The Dance of the Seven Veils
Anitra's Dance
The Moor's Pavana
My Papa's Waltz

Your father's mustache

Стоит заметить, что в английском языке конструкции родительного атрибутивного еще сложнее для восприятия на слух. Дело в том, что у слушающего возникает вопрос, как интерпретировать конечное «s». Здесь возможны, как минимум три варианта – либо это оформление родительного атрибутивного, либо сокращение от «is», либо от «has».

Однако и это еще не предел. Стихотворение Л. Мюллер соединяет вместе и проблему восприятия «обратимых конструкций», и проблему фоновых знаний, а именно – прецедентных имен и «цитат».

В результате мы имеем то, что назвали «мнимо-обратимые конструкции».

Поясним, что имеется в виду. Выражение «Dante's inferno» формально обратимо. Но фактически – нет, поскольку «inferno's Dante» – выражение, как правило, не имеющее для нас смысла. Необратимость ему придает именно та семантика, которая выработалась в данной культуре.

Все стихотворение Мюллер как раз и состоит из таких «мнимо-обратимых конструкций».

И сложность восприятия здесь возрастает немало.

Здесь, наверное, стоит вспомнить, что психолингвистика, в принципе, достаточно давно пришла к выводу, что «в восприятии речи огромное место занимают эвристические приемы» (Леонтьев 1974: 180).

Поэтому, стихотворение Л. Мюллер дает

нам прекрасную возможность провести чрезвычайно интересный лингвистический эксперимент. Отправным постулатом для него может служить тезис А. А. Леонтьева: «механизм понимания не отличается от механизма планирования высказывания при его продуцировании» (1974: 180).

То есть, а что если использовать стихотворение для моделирования ситуации, когда реципиент вынужден распознавать «на слух» «мнимо-обратимые конструкции», составленные из прецедентных имен и культурных цитат? Каким образом, и какие эвристические стратегии будут срабатывать у испытуемых в этом случае? Будут ли результаты, полученные таким образом, отличаться от тех, которые были получены А.Р. Лурией при исследовании афатиков?

Полагаем, уже эти вопросы весьма интересные.

С этой целью предполагается ориентировать испытуемых на формирование связных высказываний из строк стихотворения, предъявляемых им «в бесформенном виде», без грамматического оформления. Очевидно, что в этих условиях у испытуемых очень высокая степень выбора.

И задачей эксперимента станет как раз выяснение вопроса – а как они этот выбор реализуют?

Подобный эксперимент обладает, по нашему мнению, очень высоким эвристическим потенциалом. И результаты будут нетривиальными.

В пользу последнего вывода может говорить эксперимент А. Е. Ивановой (Леонтьев 1970: 21). Согласно ее результатам, была выявлена зависимость синтаксической структуры высказывания от характера зрительного восприятия. Причем все 27 испытуемых разделились на четкие подмножества.

ЛИТЕРАТУРА

- Бэндлер Р., Гриндер Д. 1996. Структура магии. СПб.
 Ингве В. 1965. Гипотеза глубины // Новое в лингвистике., вып. IV, М.
 Ковалев С.В. 1999. Исцеление с помощью НЛП. М.
 Леонтьев А.А. 1968. Психолингвистическая значимость трансформационной порождающей модели (обзор исследований, критика и анализ) // Психология грамматики. М.
 Леонтьев А.А. 1970. Психолингвистическая природа текста и особенности его восприятия. Глава 2. Киев.
 Леонтьев А.А. 1974. Исследование грамматики // Основы теории речевой деятельности. М.
 Леонтьев А. А. 1999. Основы психолингвистики. М.
 Лурия А.Р. 1974. Язык и сознание. М.
 Лурия А.Р. 1975. Основные проблемы нейролингвистики. М.
 Лурия А.Р. 1979. Об историческом развитии познавательных процессов. М.
 Маслова В.А. 2001. Лингвокультурология. М. Миллер Дж. 1964. Магическое число $7+2$ // Инженерная психология. М.
 О'Коннор Дж., Сеймор Дж.. «Введение в НЛП» (<http://pda.aboutnlp.spb.ru/tech/report.php>)
 Уфимцева Н.В. 1979. Психолингвистические характеристики функционирования категории падежа существительного в русском языке // Психолингвистические проблемы грамматики. М.
 Хокетт Ч. 1965. Грамматика для слушающего // Новое в лингвистике., вып. IV, М.
 Hirsch E.D. The New Dictionary of Cultural Literacy. (www.bartleby.com/59/)
 Michaels L., Rick C. 1980. The State of the Language. Berkley, University of California.